

7. («Я ПОМНЮ СЕБЯ С ТРЕХ ЛЕТ...»)

Я помню себя с трех лет. Писать стихи начал с семи; помню, я что-то посвятил матери в день ее именин:

Любезна маменька! примите
Сей слабый труд
И рассмотрите,
Годится ли куда-нибудь.

Одиннадцати лет я написал сатиру на брата Андрея, который любил франтить:

Намазав брови салом
И сделавшись чудаком,
Набелил лицо крахмалом,
Моет зубы табаком.

У нас в библиотеке нашел я два стихотворения: произведение Байрона «Корсар», перевод Олина, и оду «Свобода» Пушкина.

Когда на мрачную Неву
Звезда полночи сверкает
И беззаботную главу
Спокойный сон отягощает и т. д.

В гимназии я ударился в фразерство, начал почитать журналы, в то же время писал сатиры^{1*} на товарищей. Один из них, Златоустовский, сильно отдул меня за следующее:

Хоть все кричи ты: «Луку! Луку!,
Таскай корзину и кряхти —
Продажи нет, и только руку
Так жмет, что силы нет нести!

А главное, что ни прочту, тому и подражаю. Так к 15-ти годам составила целая тетрадь, которая сильно подмывала меня ехать в Петербург. Надув отца притворным согласием поступить в Дворянский полк, я туда поехал. Это было в 1838 году.

Пушкин в журналах почти не попадался, за Бенедиктовым там шли печенеговцы, и т(ак) н(азываемому) фразерскому направлению в юности я обязан этим поэтам, впоследствии я их вспомнил добрым словом. В «Современнике» в какой-то рецензии должны быть следующие стихи.

На днях я их вспомню.

ПЛАЧ О ПОЭТАХ

Мне жаль, что нет теперь поэтов,
Какие были в оны дни, —
Нет Тимофеевых, Бернетов,
(Ах, отчего молчат они?)
С толпой забвенных старожил
Скорблю на склоне дней моих,
Что умер господин Стромиллов,
Что Печенегов приутих,
Что нету госпожи Падерной,

У коей был талант примерной,
И Розена барона нет,
Что нет Туманских и Трилунных,
Не пишет больше Бороздна,
И нам от лир их сладкострунных
Осталась память лишь одна.

Я готовился в университет, голодал, готовил в военно-учебные заведения девять мальчиков по всем русским предметам. Это место доставил мне Григорий Францевич Бенецкий, он тогда был наставник и наблюдатель в Пажеском корпусе и чем-то в Дворянском полку. Это был отличный человек. Однажды он мне сказал: «Напечатайте ваши стихи, я вам продам по билетам рублей на 500-т». Я стал печатать книгу «Мечты и звуки». Тут меня взяло раздумье, я хотел ее изорвать, но Бенецкий уже продал до сотни билетов кадетам, и деньги я прожил. Как тут быть! Да Полевой напечатал несколько моих пьес в «Библиотеке для чтения». В раздумье я пошел с своей книгой к Жуковскому. Принял меня седенький согнутый старичок, взял книгу и велел прийти через несколько дней. Я пришел, он какую-то мою пьесу похвалил, но сказал: «Вы потом пожалеете, если выдадите эту книгу».

«Но я не могу не выдать» (и объяснил, почему). Жуковский мне дал совет: «Снимите с книги ваше имя».

«Мечты и звуки» вышли под двумя буквами Н. Н.

Меня обругали в какой-то газете, я написал ответ, это был единственный случай в моей жизни, что я заступился за себя и свое произведение.

Ответ, разумеется, был глупый, глупее самой книги.

Все это происходило в 40-м году. Белинский тоже обругал мою книгу.

Я роздал на комиссию экземпляры, ни одного не продано, это был лучший урок. Я перестал писать серьезные стихи и стал писать эгоистические.

Феоклист Онуфрич Боб — первый мой псевдоним, Перепельский — второй, — для прозы и водевилей.

С этим псевдонимом случилось вот что: приятель мой офицер Н. Ф. Фермор помогал мне в работе. Уезжая в Севастополь, он оставил мне кипу своих бумаг; я пользовался ими для моих повестей, но там был списан отрывок из печатного. Думая, что это собственная заметка Фермора, я вклеил эти страницы в одну свою повесть.

Жаль, что никто из моих доброжелателей не докопался до этого факта, вот бы случай обозвать меня литературным вором.

С Полевым познакомил меня профессор Д(уховной) а(кадемии). Я у него печатал стихи и что-то маленькое с усилием перевел.

Господи! Сколько я работал! Уму непостижимо, сколько я работал, полагаю, не преувеличу, если скажу, что в несколько лет исполнил до двухсот печатных листов журнальной работы; принялся за нее почти с первых дней прибытия в Петербург. В «Инвалиде», в «Литературных прибавлениях к „Инвалиду"», в «Литературной газете», в «Пантеоне» и т. д. Был я поставщиком у тогдашнего Полякова, писал азбуки, сказки по его заказу. В заглавие сказки «Баба Яга, костяная нога» он прибавил: «Ж... жиленая», я замарал в корректуре. Увидав меня, он изъясил удивление и просил выставить первые буквы ЖЖ. Не знаю, пропустила ли ему цензура. Лет через тридцать по какому-то неведомому мне праву выпустил эту книгу г. Печаткин. Жиленой ж... там не было, но зато было мое имя, чего не было в поляковских изданиях.

До меня доходили слухи, что Белинский обращает внимание на некоторые мои статейки. Случалось так: обругаю Загоскина в еженедельной газете, потом читаю в ежемесячном журнале о том же. Позднее мне Белинский сказал: «Вы верно смотрите, (но) зачем вы похвалили „Ольгу“?» — «Нельзя ругать все сплошь, говорят». — «Надо ругать все, что нехорошо, Некрасов, нужна одна правда».